

Проф. *А. С. Ященко.*

РОЛЬ РОССІИ

въ

СБЛИЖЕНІИ ВОСТОКА И ЗАПАДА.

Докладъ, прочитанный на Всемірномъ Конгрессѣ Расъ въ Лондонѣ 26 іюля 1911 года.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1912.

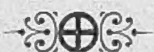
Проф. *А. С. Ященко.*

РОЛЬ РОССІИ

въ

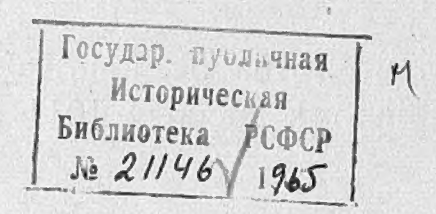
СБЛИЖЕНІИ ВОСТОКА И ЗАПАДА.

Докладъ, прочитанный на Всемірномъ Конгрессѣ [illegible] Расъ въ Лондонѣ 26 іюля 1911 года.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1912.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Архимандритъ *Анастасій.*

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Правосл. Собесѣдникъ“
за 1912 годъ.

I. Въ январѣ 1904 года, когда въ темную ночь Японскія миноноски бросились на русскую эскадру, стоявшую у стѣнъ Портъ-Артурской крѣпости, совершился актъ величайшей исторической важности: началась первая русско-японская война. Въ теченіе 18 мѣсяцевъ шелъ упорный бой на Далекомъ Востокѣ. Весь міръ съ напряженіемъ слѣдилъ за перипетіями тяжкой войны,—тѣ, кто понималъ историческій смыслъ совершающагося, съ тревогой и съ сознаніемъ исключительнаго величія событій; тѣ, для кого книга исторіи закрыта, а такихъ было большинство,—съ простымъ любопытствомъ или съ негодованіемъ на безсмысленность такой отдаленной и, повидимому, нелѣпой войны.

Между тѣмъ, эта война не была эпизодическимъ фактомъ исторіи, однимъ изъ многочисленныхъ и мимопроходящихъ событій,—случайной бурей, внезапно и не надолго взбороздившей вѣчно колышащійся океанъ человѣческой жизни. Это было одно изъ звеньевъ великой исторической цѣпи, начало которой сокрыто во мракѣ исторіи, и конца еще не видно.

II. Если мы обратимъ вниманіе на общій ходъ человѣческой исторіи, на основные моменты ея развитія, мы тотчасъ же можемъ замѣтить, что черезъ всю всемірную исторію проходитъ борьба между Востокомъ и Западомъ, борь-

1*

ба напряженная, обыкновенно кровавая, въ которой съ перемѣннымъ счастьемъ побѣждаетъ то одна, то другая сторона. Неустойчивое равновѣсіе двухъ міровъ, образующихъ человѣчество, колеблется, какъ двѣ чашки вѣсовъ.

Борьба эта символически начинается на Мало-Азійскомъ берегу, подъ славными стѣнами Трои,—если не считать похода аргонавтовъ на Кавказскіе берега, еще болѣе ранняго и совсѣмъ теряющагося въ миѳическомъ полумракѣ только что занявшейся передутренней зари человѣчества.

Кровавый и уже не легендарный характеръ пріобрѣтаетъ эта борьба, когда на радостныя поля свѣтлой Греціи устремились полчища персидскаго царя Ксеркса. Вопросъ шелъ о самомъ существованіи независимой западной культуры, и когда безстрашный Леонидъ и его солдаты своею грудью заградили путь полчищамъ азіатскаго тирана, они прикрывали своими тѣлами, хранили своимъ духомъ все будущее греко-римскаго и романо-германо-славянскаго міра. На поляхъ Мараѳонской равнины побѣдилъ Западъ и тѣмъ спасъ только что зарождавшуюся арійскую культуру.

Востокъ былъ отброшенъ, его аттака отбита, и Западъ, сильный своей цивилизацiей, гордый достигнутыми завоеваніями, перешелъ въ наступленіе. Ведомые геніемъ Великаго Александра греческіе солдаты прошли до отдаленныхъ береговъ Индіи и покорили весь Востокъ подъ высокую руку македонскаго монарха;—повсюду пронесли они искры отъ свѣта Эллинскаго просвѣщенія. Это было великимъ торжествомъ Запада.

Дѣло Александра Македонскаго продолжилъ державный Римъ. Возросши въ суровой борьбѣ на Апеннинскомъ полуостровѣ, римскій орелъ распростеръ свои широкія крылья до края земли. Начинается многовѣковая борьба Рима съ Востокомъ:—Пуническія войны, разрушеніе Карфагена, покореніе Египта, Малой Азіи, и непрестанная война на далекихъ границахъ съ восточными народами.

Когда подъ державнымъ скипетромъ Рима воцарился, наконецъ, въ мірѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Pax

Romana, началось новое культурное движенiе Востока на Западъ. Въ скептическiй греко-римскiй мiръ стали вливаться свѣжiя волны восточнаго мистическаго религiознаго воодушевленiя. Съ востока приходитъ религiя. По широкимъ дорогамъ, проведеннымъ римлянами во всѣ страны свѣта для своихъ желѣзныхъ легiоновъ, прошли изъ конца въ конецъ земли апостолы, неся Новую и Благую вѣсть. Возсiявшее на Востокѣ христiанство побѣждаетъ побѣдителя,—торжествуетъ надъ разложившимся въ скептицизмѣ и позитивизмѣ язычествомъ.

Но несутся съ Востока новыя волны; изъ таинственныхъ нѣдръ Азiи, изъ ея безграничныхъ пустынь, устремляются на Западную Имперiю орды восточныхъ племенъ. Все рушится въ великомъ переселенiи народовъ. Какъ бичъ Божiй, проносятся надъ развалинами западнаго мiра Аттила и восточные варвары Гунны: востокъ дождался своего дня отмщенiя и жестоко отплатилъ за свое многовѣковое униженiе.

Однако побѣжденный Западъ мало-по-малу перерабатываетъ и преодолѣваетъ побѣдившие его восточные элементы. Мудрый строительный духъ арiйской расы торжествуетъ надъ анархiей. Христiанство устроятся, дѣлается государственнымъ и творческимъ началомъ; воздвигается, какъ величественный готическiй соборъ, вселенская церковь, — воинствующая и земная. Полчища дикихъ варваровъ организуются въ феодальный строй.

Когда новые элементы общества были вполнѣ реконструированы на Западѣ и создалась новая общественная гармонiя, начался обратный напоръ Запада на Востокъ: наступаетъ славная эпоха крестовыхъ походовъ. Въ упорной борьбѣ побѣждаетъ то Востокъ, то Западъ. Образуется тѣсное взаимодѣйствiе двухъ мiровъ, двухъ цивилизацiй.

Подъ влiянiемъ героическаго духа борьбы Европы съ Азiей, во всей Европѣ обнаруживается величайшiй подъемъ духовнаго творчества и наступаетъ расцвѣтъ средневѣковья, съ его глубокой философiей, непревзойденной архитектурой, сложной и богатой корпоративной

жизнью, съ художественными чудесами послѣднихъ примитивовъ и перваго возрожденія.

Но въ то же самое время, какъ бы по закону качанія историческаго маятника, возникаетъ новое движеніе на Востокѣ. Изъ дебрей Азіи снова устремляются татарскія орды, утверждаютъ свое владычество надъ Москвою и доходятъ почти до сердца Европы. Турки напираютъ въ старую Византію, и она рушится въ великой исторической бурѣ.

Съ этого момента устремленіе Запада на Востокъ мѣняетъ нѣсколько свой характеръ и раздвояется, движется по двумъ противоположнымъ направленіямъ: прямо на Ближній Востокъ давитъ Россія, палладинъ Европы въ данномъ случаѣ; въ то же время, въ поискахъ далекой Индіи отправляются корабли Колумба и открываютъ Новый Свѣтъ. Наступаетъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій нѣкоторое затишье въ вѣковѣчной борьбѣ Востока и Запада, если не считать частичной борьбы Россіи со своими азіатскими сосѣдями. Востокъ мирно дремлетъ въ своемъ долгомъ фаталистическомъ снѣ. Западъ заселяетъ новые материки, открытые имъ, и силы его уходятъ на эту упорную борьбу.

Въ началѣ XIX вѣка войны Наполеона какъ бы имѣютъ въ виду объединеніе Европы для покоренія Востока; но онѣ останавливаются лишь на первой стадіи задачи. Походъ Наполеона въ Россію не былъ борьбою Запада и Востока, а враждою двухъ половинъ западнаго міра.

Но къ концу XIX вѣка, когда вновь открытые материки заселены арійцами, когда нарушенное открытіемъ Новаго Свѣта равновѣсіе возстановлено, мало-по-малу начинаютъ обнаруживаться признаки новаго столкновенія Востока и Запада. Колышется Китай и вызываетъ вмѣшательство чуть-ли не всего международнаго союза; вооружается и усиливается Японія; ростетъ національное движеніе въ Египтѣ, въ Индіи.

Раздается первый ударъ грома. Полтора года продолжается русско-японская война. Результаты ея нерѣ-

шительны; чувство горечи остается на обѣихъ сторонахъ, на одной, быть можетъ, больше, на другой, можетъ быть, меньше. Дѣлается попытка сближенія. Востокъ и Западъ подходятъ вплотную другъ къ другу. Всѣ понимаютъ серьезность положенія и то, что возобновленіе борьбы было бы гораздо болѣе грознымъ, кровавымъ и опаснымъ. Но какъ избѣгнуть этой борьбы? Какъ найти пунктъ соглашенія, почву взаимнаго уваженія и примиренія?

III. Въ этой долгой, черезъ всю исторію проходящей борьбѣ западнаго и восточнаго міровъ не одна случайность, не одна даже враждебность двухъ расъ; здѣсь дѣло идетъ о столкновеніи двухъ различныхъ укладовъ жизни, двухъ разныхъ міропониманій.

Какъ бы мы ни сближали Востокъ и Западъ, мы всегда видимъ въ нихъ нѣчто чуждое другъ другу, что-то глубоко противоположное и подъ часъ враждебное.

Это разное зиждется въ идеологіи расъ, въ ихъ душевномъ настроеніи. Въ зависимости отъ того, какъ смотрятъ народы на смыслъ своего бытія и на свои задачи, устраиваютъ они свою жизнь и организуютъ свои общественныя отношенія. Конечно, общій фонъ человѣческой психики вездѣ одинаковъ, общъ всѣмъ расамъ,—въ этомъ и залогъ окончательнаго замиренія и объединенія всего человѣчества; всѣ народы общежительны, всѣ одинаково ищутъ своего счастья, но лишь понимаютъ его различно. Разность между Востокомъ и Западомъ сказывается въ ихъ высшей идеологіи, въ ихъ послѣднихъ достиженіяхъ понять свою жизнь и существованіе міра. Если же мы оставимъ міръ высшей идейной жизни, область наиболѣе совершенныхъ выраженій расоваго духа, и опустимся въ низшую сферу матеріальной жизни, мы найдемъ, быть можетъ, самую ничтожную разницу между ними, и эта разница будетъ чисто случайной, детальной, внѣшней, а не внутренней и существенной.

Мы найдемъ и на Востокѣ и на Западѣ массы, живущія полусознательною жизнію чувственнаго и чисто животнаго бытія; мы увидимъ, что нѣтъ существенной разницы между европейскимъ матеріализмомъ и китай-

скимъ позитивизмомъ, между сильными на Западѣ атеистическимъ свободомысліемъ и иррелигіозностью и свойственнымъ китайскимъ массамъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, способностью одинаково принимать различные культы.

Но если мы обратимся къ сферѣ высшей идеологіи, то на Востокѣ мы тотчасъ же можемъ констатировать постоянное и давнишнее стремленіе къ отрицательному универсализму нравственнаго сознанія. Уже на самой зарѣ восточной цивилизаціи мы встрѣчаемъ двѣ пессимистическія философскія системы, Шакьямуни и Лаотцзы. Внѣшній міръ, феномены чувственнаго бытія, индивидуальное сознаніе съ его горестями, радостями и надеждами,—все это призрачно и лживо. Призрачны и всѣ искусственныя раздѣленія людей. Есть-ли универсальная, простирающаяся на все живое, любовь, симпатія и состраданіе? Видимый, реальный міръ не пріемлемъ, какъ призрачный. Жизнь матеріальная отрицается въ своихъ основахъ. Отсюда самоумерщвленіе. Философіи этихъ пессимистовъ вошли отчасти въ религіозныя системы буддизма и даосизма.

Наряду съ отрицательнымъ универсализмомъ буддизма въ сферѣ чисто религіознаго сознанія, Востоку въ области общественнаго міровоззрѣнія свойственна идея порядка, какъ идеала общественнаго устройства. Общество понимается не какъ нѣчто текущее, измѣнчивое, развивающееся, а какъ неподвижное равновѣсіе, какъ замкнутый въ вѣчныя границы строй. Это преувеличеніе идеи порядка, какъ основы обществъ, связывается въ Китаѣ съ исключительнымъ преклоненіемъ передъ прошлымъ; это преклоненіе передъ прошлымъ въ конфуціанствѣ дѣлается настоящимъ культомъ предковъ. Если всѣ общественныя отношенія установлены разъ навсегда, если жизнью настоящей властвуютъ умершіе предки, то личность исчезаетъ въ родѣ и начало общественное окончательно торжествуетъ надъ началомъ индивидуальнымъ. Преклоненіе передъ прошлымъ ведетъ къ презрѣнію къ настоящему и, въ сущности, къ отрицанію будущаго.

Основнымъ и общимъ характеромъ восточнаго духа является отрѣшенность отъ жизни и склонность къ исключительно мистическому познаванію міра.

Западу, населенному арійской расой искони свойственен̌ъ былъ, въ противоположность Востоку, языческій духъ, поклоненіе живымъ силамъ внѣшней природы. Для Запада столь же характерно признаніе міра, какъ Востоку —его непріятіе. Аріецъ радуется въ измѣнчивомъ мірѣ чувственныхъ явленій, онъ не умерщвляетъ аскетически плоти, а любитъ и холитъ ее. Онъ наивно вѣритъ въ реальность этого блещущаго красками и гармонически звучащаго міра. Въ то же время европеецъ живетъ настоящимъ и ему чуждъ культъ прошлаго; его взоръ всегда обращенъ не къ прошлому, а къ настоящему. Отсюда его побѣды надъ силами внѣшней природы, всѣ чудеса техники и такъ называемыхъ благъ цивилизаціи.

Но не только настоящее въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и его другое выраженіе—будущее—влечетъ къ себѣ человѣка Запада. Его идеологія пропитана идеей прогресса, развитія, совершенствованія. Все подлежитъ улучшенію, слѣдовательно, реформированію и разрушенію. Этотъ прогрессъ совершается подъ дѣйствіемъ личныхъ силъ. Общественный строй не есть нѣкій неподвижный механизмъ, а постоянно динамически развивающееся органическое цѣлое. Но начало коллективное не подавляетъ индивидуальнаго и личность постоянно стремится къ утвержденію своей мощи.

Европейскій,—западный вообще, —духъ характеризуется своимъ реализмомъ, практичностью, положительностью и склонностью къ позитивизму; въ познаваніи міра онъ прежде всего полагается на свои чувства и на свой логическій разумъ, оттого не только въ философіи онъ склоненъ къ раціонализму и эмпиризму, но даже и въ религіи стремится къ раціоналистическому объясненію несказáнныхъ божественныхъ тайнъ, и даже мистическое христіанство онъ старается понять раціоналистически въ протестантствѣ

Однако арійскому міру доступна и мистическая жизнь: не разъ уже онъ воспринималъ восточную мистику; но, сообразно своему практическому, жизненному характеру, онъ стремился и въ мистику внести наибольшую ясность сознанія, наивозможнѣйшую опредѣленность и организованность. Такой арійской переработкой восточнаго религіознаго мистицизма было католическое христіанство. И въ настоящее время, не смотря на возвращеніе къ старой языческой идеологіи, мы видимъ въ Европѣ еще живучее сопротивленіе средневѣковаго христіанства языческому возрожденію. Въ то же время, среди западныхъ европейскихъ народовъ, можно замѣтить въ послѣднее время распространеніе восточнаго буддійскаго духа, не столько прямо въ видѣ буддійской религіи, которая сама значительно отошла отъ истиннаго отрѣшеннаго духа своего основателя, а въ формѣ распространенія пессимистическаго міропониманія, обезпечившаго успѣхъ философіи Шопенгауэра, Ницше, Гюйо. Въ этой новой нотѣ слышится уже рѣшительный отказъ отъ древней арійской радостности, царственной и владычной.

IV. Всѣ указанныя выше характерныя черты Запада и Востока суть, конечно, лишь тенденціи, лишь устремленія, лишь абстракціи, лишь идеи, чуемыя за многообразной сложностью возникающихъ и исчезающихъ явленій.

Какъ ни непримиримы, повидимому, оба начала, неприятіе міра и радованіе въ мірѣ, культъ прошлаго и поклоненіе будущему, коллективное и индивидуальное начало, мистицизмъ и раціонализмъ, однако между ними нѣтъ и не можетъ быть неизбѣжной борьбы не на жизнь, а на смерть, ибо оба эти начала представляютъ собою лишь одностороннія истины, и въ этой односторонней истинности они остаются правыми другъ передъ другомъ и не могутъ поэтому быть окончательно уничтоженными. Поэтому, сколько ни продолжается противоборство между Западомъ и Востокомъ, мы не видимъ ихъ уничтоженія, а лишь постоянное взаимодѣйствіе. Изъ двухъ сталкивающихся началъ, вѣрныхъ въ своихъ положительныхъ

утвержденіяхъ и ложныхъ въ своей односторонности и въ стремленіи къ исключительности, можетъ и долженъ постоянно создаваться высшій синтезъ. Въ исторіи Запада мы не разъ видимъ такой синтезъ: послѣ греко-персидскихъ войнъ—развитіе эллинизма, послѣ объединенія Востока и Запада подъ эгидою Рима—каѳолическая церковь; послѣ крестовыхъ походовъ—эпоха ранняго возрожденія.

V. На долгую борьбу Востока и Запада не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ мрачно, какъ и вообще на роль войны въ человѣческой исторіи. Какъ бы мы ни относились къ войнѣ въ настоящее время, мы должны признать, что досихъ поръ война была могучимъ факторомъ человѣческаго объединенія. Въ исторіи вообще мы можемъ констатировать антиномическій процессъ: война и вражда идутъ параллельно объединенію и миру. Первоначальныя столкновенія, очень жестокія, подчасъ кончавшіяся поголовнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ, между отдѣльными племенами очень скоро привели къ образованію первыхъ начатковъ государственныхъ тѣлъ. Государственныя общины не оставались спокойными въ своей изолированности, вступали въ борьбу съ другими народами; и изъ этихъ войнъ выросли первыя имперіи: въ долинахъ Тибра Евфрата, Нила. Войны, создавшія эти имперіи, ихъ же и разрушили; но очень скоро изъ ряда побѣдоносныхъ войнъ во всѣхъ частяхъ свѣта выросла Римская Имперія, и на одно мгновеніе создалось войнами какъ бы общечеловѣческое объединеніе. Народы, жившіе вокругъ Средиземнаго моря, вошли въ единую организацію. Изъ многихъ войнъ вышелъ долгій миръ. Но желанный предѣлъ не былъ достигнутъ: у отдаленныхъ границъ волновались непокоренныя орды, съ ними надо было вести новыя войны. За долгій періодъ средневѣковыхъ войнъ подготовилось объединеніе въ единое культурное цѣлое всей Европы. Съ каждой новой эпохой войны дѣлались обширнѣе, грандіознѣе и менѣе жестокими. Открытіе Новаго Свѣта расширило арену войнъ. Но съ каждымъ разомъ все труднѣе привести въ дѣйствіе военную машину, послѣ каждой войны люди, ранѣе воевавшіе, все болѣе узнаютъ другъ

друга и болѣе сближаются, миръ дѣлается глубже и устойчивѣе. Предѣлы войны не безграничны. Все далѣе оттѣсняемыя въ противоположныя стороны границы, наконецъ, совершивъ полное круговое движенie вокругъ земли, исчезли. Наступила эпоха, повидимому, послѣднихъ, окончательныхъ международныхъ войнъ, предтеча послѣдняго мира.

Война на Дальнемъ Востокѣ, которую пережили мы, уже предпослѣдняя стадiя въ общечеловѣческомъ объединенiи. Человѣчество уже не на шутку начинаетъ чувствовать себя единымъ, и уже не какъ утопiя, а какъ практическая идея, создаются планы всемiрнаго, международнаго объединенiя.

Поэтому мы не смотримъ мрачно на послѣднiя столкновенiя Востока и Запада. За ними намъ чувствуется великiй миръ и великое соединенie; двѣ стихiи сольются вмѣстѣ и дадутъ новый высшiй синтезъ. Это есть задача, стоящая въ настоящее время предъ человѣчествомъ.

VI. Велѣнiемъ судебъ Россiя поставлена была на перепутьи между Востокомъ и Западомъ; это обусловило ея исторiю, возложило на нее тяжелую задачу, но и высокую въ то же время миссiю. Всѣ страданiя, мучительный разладъ, нестроенiя и постоянныя потуги, которыми полна жизнь русскаго народа, такъ же какъ и его достиженiя и утвержденie на достигнутыхъ позицiяхъ, суть результаты этого серединнаго положенiя Россiи.

Въ великой борьбѣ между восточнымъ и западнымъ генiемъ на Россiю, повидимому, пала роль примирителя, осуществителя высшаго синтеза.

Эта синтетическая роль, падающая на Россiю, обусловлена двойственной природой, глубокимъ дуализмомъ Россiи. Въ Россiи слились двѣ враждебныя стихiи,—восточная монгольская и западная арiйская; она поистинѣ является двуликимъ Янусомъ; Европа и Азiя ведутъ многовѣковой споръ въ ея груди, и государственный гербъ двуглаваго орла въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше символизируетъ эту раздвоенность русскаго государственнаго начала. Правда, этотъ же гербъ носитъ символиче-

скій намскъ и на синтезъ, который, быть можетъ, прійдетъ на смѣну этому дуализму: на груди орла Георгій Побѣдоносецъ поражаетъ дракона (старый гербъ Москвы).

Съ самаго начала русской исторіи въ предѣлахъ Россіи идетъ ратоборство Востока и Запада.

Еще въ ту эпоху, когда еще не вполнѣ сложилась русская народность, въ IV—VII вѣкахъ, уже приходилось ей считаться съ восточными народами,—гуннами и аварами. Потомъ пришли хозары и печенѣги. Владиміръ Святой строитъ на югѣ крѣпости противъ азіатскихъ городовъ. Послѣ Ярослава Мудраго появляются половцы и около двухъ столѣтій нападаютъ на русскую землю. Наконецъ, въ половинѣ XIII столѣтія происходитъ яростный напоръ татаръ, и на два столѣтія утверждается татарское владычество.

Съ Московскаго царя Ивана III начинается обратное усиленное движеніе Россіи на азіатскіе народы. Степь безконечна, предѣловъ ей не видно; все дальше и дальше уходятъ границы Россіи, пока, наконецъ, русскіе казаки не появляются у береговъ Тихаго океана. Въ XVIII вѣкѣ покоряется Крымъ и Новороссія, въ XIX—Кавказъ и Туркестанъ. Вся тысячелѣтняя исторія Россіи ушла на тяжелыя постоянныя войны съ восточными кочевниками и государствами. Такое долгое общеніе съ ними на полѣ брани невольно наложило на Россію нѣкоторый восточный отпечатокъ; громадное число восточныхъ народовъ сдѣлались ея подданными; граница государственная касается главнымъ образомъ Турціи, Персіи и Китая.

Но въ то же время всею душою Россія стремилась къ Европѣ. Изъ Византіи приняла она христіанство, съ Ганзейскими городами вела торговлю; послѣ реформы Петра Великаго она рѣшительно стала на путь всесторонней европеизаціи; произведены государственныя и административныя реформы въ духѣ европейской политики; сдѣланы гигантскія усилія въ воспріятіи западной науки и въ стремленіи занять въ ней самостоятельное мѣсто; пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтшее на народной почвѣ искусство вошло цѣликомъ въ русло европейской эсте-

тики и приняло участіе въ общемъ ходѣ художественной исторіи Запада. Всѣ научныя, философскія, политическія и соціальныя теченія Запада находили себѣ самый живой отголосокъ въ Россіи, и ея духовную исторію невозможно выдѣлить изъ обще-европейской исторіи.

Эти два антиномическія начала русской исторіи обусловили собою и ту жестокую идейно-политическую борьбу, которою ознаменована новѣйшая исторія Россіи. Съ одной стороны выступаетъ чисто азіатское начало неподвижнаго государственнаго строя, порядка во что бы то ни стало, государственнаго абсолютизма. Это теченіе реакціонное. Идеологи ея рисуютъ чисто восточный идеалъ абсолютнаго государства, гдѣ правитель не только распорядитель божественнаго по своей природѣ принципа власти, но самъ полубогъ, намѣстникъ Божій. Доктрина самодержавія у такихъ идеологовъ совершенно приближается къ китайской теоріи срединнаго неподвижнаго царства и богдыхана, какъ сына Неба. Государство,—организація юридическая, — понимается церковно, обожествляется.— Общество понимается, въ полномъ соотвѣтствіи съ восточной идеологіей, какъ окончательное и неизмѣнное равновѣсіе данныхъ отношеній. Все должно остаться неподвижнымъ, вездѣ долженъ царить порядокъ пчелинаго улья и рядъ смѣняющихся поколѣній представляетъ собою лишь серіи стереотипныхъ отпечатковъ одного образца. Полное отрицаніе прогресса, боязнь его; ничѣмъ неограниченный государственный абсолютизмъ—это есть лишь яркое идеологическое выраженіе восточной стихіи. Сама религія, признаваемая этимъ теченіемъ, слѣпая, традиціонная, почти политеистическая,—святые, иконы, обряды теряютъ въ ней свое значеніе символовъ и средствъ.

Но въ противовѣсъ этому обожествленію сущаго, возникаетъ какъ дополнительный цвѣтъ, другое радикально-противоположное, непримиримо враждебное теченіе, но отъ того же источника и того же, въ сущности, духа —нигилистическое. Какъ высокая аккомпанирующая нота, нигилизмъ сопровождаетъ абсолютизмъ. Его природа — чисто восточная и совершенно чужда западному арійскому

духу. Это истинно буддійское отрицаніе всякихъ абсолютныхъ цѣнностей, стремленіе все разрушить, отвергнуть всякій авторитетъ; съ темнымъ, непросвѣтленнымъ восточнымъ мистическимъ возбужденіемъ проклинается этотъ несовершенный міръ, всѣ его призрачныя условности, всѣ его сложныя общественно-психическія надстройки. Такое буддійско-нигилистическое непріятіе міра несвязнымъ лепетомъ сказывается во многихъ народныхъ мистическихъ сектахъ; оно, не опознавши своей природы, проявилось въ революціонномъ анархизмѣ; оно наложило свою печать даже на духовный міръ такихъ геніевъ, какъ Левъ Толстой.

Мы указали на два наиболѣе рѣзкія идеологическія проявленія восточной стихіи въ русской натурѣ, какъ намъ кажется, совершенно чуждыя западному міру. Но въ русской натурѣ, сказывается и стихія западная. Если въ высшихъ и низшихъ классахъ проявились монголо-абсолютическія и буддійско-нигилистическія тендеціи, то въ среднемъ классѣ, въ такъ называемой интеллигенціи, обнаружилось безусловное и преувеличенное тяготѣніе къ одностороннимъ специфическимъ западнымъ началамъ: отрицаніе религіозной вѣры и мистическаго познанія, признаніе одной науки, вѣра въ прогрессъ, позитивизмъ и раціонализмъ, ограниченіе человѣческихъ задачъ устроеніемъ Царства Божія исключительно на землѣ,—направленіе такъ хорошо охарактеризованное какъ человѣкобожество, обожествленіе человѣка, религія человѣчества.

Это западническое направленіе изгоняло изъ жизни всякое божественное начало, являлось глубоко атеистическимъ: религія—предразсудокъ, мистическихъ прозрѣній въ тайну міра нѣтъ, власть есть созданіе самихъ людей:—отсюда демократическій принципъ народнаго суверенитета, отсюда мораль утилитаризма, т. е. подрумяненнаго эгоизма, отсюда идея классовой борьбы и соціальнаго эгоизма, отсюда презрѣніе ко всякой традиціи, ко всякимъ установившимся формамъ жизни, отсюда исключительное преклоненіе предъ чисто интеллектуальнымъ образованіемъ.

Но, свершивши свое полное развитіе, западничество, отправившееся въ противоположную сторону отъ оріентализма (если можно такъ назвать абсолютизмъ), пришло въ концѣ концовъ къ одинаковому съ нимъ результату: отрицанію смысла жизни.

Безсмысленно существованіе міра, лишеннаго божественной цѣли, безсмысленно существованіе человѣка, случайнаго, временнаго и смертнаго явленія, безсмысленна всякая мораль, ибо ее не на чемъ обосновать, безсмысленно само общество, ибо и оно осуждено на гибель, какъ отдѣльный человѣкъ, и не носитъ въ себѣ никакой внутренней вѣчной цѣнности, какъ и все въ этомъ вѣчно разрушающемся, не одухотворенномъ мірѣ.

Такъ встрѣчаются въ своихъ послѣднихъ крайнихъ выводахъ и западническое и оріентальное начала, но результатъ этотъ чисто отрицательный, — въ разрушеніи смысла жизни... и синтеза искомаго здѣсь не видно.

Но синтезъ имѣется, наростаетъ; онъ намѣчался уже не разъ въ русской исторіи. Его чуяли и славянофилы. Совершенно напрасно, по нашему мнѣнію, обычно противопоставляютъ славянофиловъ западникамъ: настоящая борьба велась и ведется между абсолютизмомъ и демократизмомъ, между реакціонерами и радикальной интеллигенціей;—и та и другая сторона монистичны въ своихъ основахъ. Славянофильство же съ самаго начала боролось на два фронта, противъ крайности и односторонней ложности обоихъ направленій; оно глубоко дуалистично и синтетично по своему основанію.

Конечно, и славянофиламъ не была чужда односторонность; у нихъ было много національной гордости, была, быть можетъ, правильная точка зрѣнія на великую роль Россіи, но не было достаточнаго сознанія синтетическаго характера этой роли. Не Россію надо было противопоставлять Западу, какъ два враждебныя начала, а Востокъ Западу; нужно было понять Россію какъ чуждую и какъ родную и отвлеченно-восточной и отвлеченно-западной стихіямъ. Ошибкой славянофиловъ было—рыть пропасть тамъ, гдѣ этой пропасти нѣтъ и не должно быть.

Они неправильно полагали, что европейскому духу свойственно лишь позитивистическое, матеріалистическое, разрушительное стремленіе. Видя осуществленіе предназначенія Россіи въ служеніи истинно христіанскому идеалу, они очень скоро забывали, что великій синтезъ христіанства былъ выработанъ Европой и что если она начала отъ него отходить, въ новомъ одностороннемъ развитіи своихъ искомыхъ, „возрожденныхъ“ языческо-арійскихъ началъ, то она его еще не забыла и еще носитъ въ себѣ живого христіанскаго Бога.

Но славянофилами совершенно правильно было понято, что великій синтезъ міровыхъ достиженій дается въ возрожденномъ христіанствѣ. Въ немъ мы имѣемъ, наконецъ, не отрицательный универсализмъ, а универсализмъ положительный. Христіанство признаетъ, какъ и востокъ, абсолютную цѣнность лишь за вѣчной жизнью и нравственный идеалъ лишь за универсальной любовью, но въ согласіи съ арійскимъ духомъ оно не отрицаетъ ни временнаго тѣлеснаго міра, ни человѣческой работы: арійская идея прогресса и индивидуальнаго самоутвержденія сказывается въ признаніи Царства Божія,—сферы истинной вѣчной жизни,—не какъ чего-то даннаго, а какъ великой задачи коллективной работы человѣчества, всемірной церкви: идеалъ универсальной любви понимается тоже какъ идеалъ дѣятельной любви, осуществляющейся въ исторической работѣ всего человѣчества черезъ рядъ послѣдовательно смѣняющихся и развивающихся общественныхъ формъ.

Христіанство есть указаніе достиженія вѣчныхъ цѣлей во время земной жизни. Христіанство есть вѣра не только въ безсмертіе духа, но и въ воскресеніе плоти. Матерія и духъ синтетически примиряются. Историческій процессъ человѣчества и Царство Божіе не два противоположныя состоянія, а взаимно зависимы, солидарны. Исторія есть прогрессъ и съ точки зрѣнія христіанства. Христіанская философія есть эволюціонная философія, но съ тѣмъ великимъ отличіемъ отъ такъ называемой „эво-

люціонной“ философіи, что она *знаетъ цѣль* этой эволюціи и стремится ею руководить.

Въ своихъ высшихъ проявленіяхъ русскій геній былъ всегда синтетическимъ, примиряющимъ Востокъ и Западъ, такимъ былъ въ политикѣ Петръ Великій, въ поэзіи—Пушкинъ, въ философіи—Соловьевъ, въ религіозно-нравственной области—Левъ Толстой. Толстой былъ яркимъ образцомъ двуликаго характера души, соединяющей Востокъ и Западъ: непротивленіе злу насиліемъ, всемірная любовь и опрощеніе—чисто восточные мотивы, христіанство, вѣра въ безсмертіе, дѣятельная работа надъ улучшеніемъ человѣчества—мотивы западные. Духовный міръ Толстого, впрочемъ еще не достаточно примиренный, характеренъ вообще для пониманія русской психики.

VII. Но если роль Россіи въ сближеніи Востока и Запада главнымъ образомъ осуществляется въ ея собственныхъ нѣдрахъ путемъ трудной выработки синтеза правильнаго высшаго жизнепониманія, то она этимъ не ограничивается и выходитъ за предѣлы внутренне-русскихъ отношеній. Въ связи съ этимъ прежде всего возникаетъ вопросъ, какую позицію естественно занять Россіи въ отношеніи къ такъ называемымъ желтымъ расамъ, т. е. къ Японіи и главнымъ образомъ къ Китаю.

Впрочемъ Японія и по своей исторіи и по своему національному характеру, предпріимчивому, прогрессивному, рыцарскому и воинственному, никогда не являлась характерной восточной страной, чѣмъ и доказала, что восточный духъ покоится не столько на расовыхъ началахъ, сколько на цѣломъ рядѣ историческихъ условій. Она же своимъ быстрымъ европеизированіемъ, воспріятіемъ и проникновеніемъ западнымъ духомъ обнаружила, что расовая разность нисколько не воспрепятствуетъ сближенію желтыхъ и бѣлыхъ народовъ, разъ будетъ найдена общая почва для этого сближенія.

Въ настоящее время Японія такъ рѣшительно перешла на сторону Запада, что грозное понятіе Востока, за которымъ западному человѣку, благодаря многовѣковому атавизму, чуется нѣчто страшное и враждебное, почти

цѣликомъ сосредоточивается въ Китаѣ. Но, правда, онъ одинъ—цѣлый міръ: многія сотни милліоновъ чуждыхъ, иныхъ людей, совсѣмъ иной культуры, своя традиція, какая-то своя особая идеологія.

Здѣсь именно сосредоточивается великая проблема панмонголизма, „желтой опасности".

Прежде чѣмъ рѣшить, какова задача Россіи по отношенію къ этой желтой опасности, нужно правильно понять, въ чемъ заключается настоящая желтая опасность.

Желтую опасность можно прежде всего понимать какъ опасность „изъ-за" желтыхъ. Еще со временъ Марка Поло Китай славился своими баснословными богатствами, и послѣдующія изысканія и изученіе не только не опровергли прежнихъ легендъ, но показали, что они еще ниже дѣйствительности. Необычайное плодородіе почвы, обиліе текущихъ водъ даютъ богатѣйшіе урожаи хлопка, чая, риса, шелка; еще богаче сокровища земныхъ нѣдръ: каменный уголь, мѣдь, свинецъ, желѣзо находятся въ чрезвычайномъ изобиліи. Въ то же самое время міровая ось, передвинувшаяся въ свое время со Средиземнаго моря на Атлантическій океанъ, постепенно передвигается къ Великому океану. Тамъ живутъ многочисленные народы, тамъ развивается новая и богатая жизнь на многочисленныхъ архипелагахъ. Съ проведеніемъ Панамскаго канала, съ болѣе густымъ заселеніемъ западнаго побережья Америки и Полинезійскихъ острововъ, центръ жизни земного шара, быть можетъ, перемѣстится въ предѣлы Тихаго океана. Понятно, что многія западныя государства стремятся тамъ занять удобныя мѣста, изъ-за этого возникаютъ соперничества, вражда, и желтая опасность и дальне-восточный вопросъ могутъ въ концѣ-концовъ сдѣлаться опасностью борьбы и войны между западными государствами изъ-за вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Это было бы поистинѣ великой опасностью, такъ какъ европейская война, при существующихъ условіяхъ, могла бы повести къ сильнѣйшему ослабленію великой арійской расы и отдать ее въ распоряженіе объединеннымъ монголамъ. Роль Россіи въ этомъ вопросѣ всячески препят-

ствовать, путемъ мудрыхъ союзовъ и соглашенiй, европейской войнѣ и, какъ наиболѣе близкой къ Востоку и потому наиболѣе сознающей всю важность и серьезность восточной проблемы, устанавливать равновѣсiе бѣлыхъ народовъ, дабы они не ослабѣли въ борьбѣ и, давая должный отпоръ напору восточныхъ народовъ, установили, наконецъ, мiровое равновѣсiе бѣлыхъ и желтыхъ народовъ.

Но подъ желтою опасностью разумѣется, обыкновенно, непосредственная опасность отъ напора желтыхъ расъ на западные народы. Объ этой опасности идетъ постоянно рѣчь въ литературѣ и прессѣ, о ней не разъ съ замиранiемъ сердца думаютъ политики, она иногда встаетъ какъ страшный смертный призракъ на далекомъ политическомъ горизонтѣ. И нельзя сказать, чтобы эти опасенiя были вполнѣ неосновательными. Никто не знаетъ, какiя измѣненiя въ соотношенiи мiровыхъ силъ произойдутъ, когда на арену общечеловѣческаго оборота выступятъ мирiады новыхъ людей. Что произойдетъ въ военномъ отношенiи, когда эти массы народовъ будутъ вооружены согласно послѣднимъ требованiямъ военной техники? Какъ отразится на общемъ экономическомъ состоянiи приливъ многихъ миллiоновъ рабочихъ рукъ? Какiя послѣдствiя будетъ имѣть для общей культуры приливъ народовъ, съ чуждой культурой, съ совершенно иными жизненными взглядами?

Однако, по здравому размышленiю, нужно признать, что страхи передъ желтой опасностью значительно преувеличены, а при соблюденiи извѣстнаго благоразумiя даже и совершенно напрасны.

Конечно, военная опасность, повидимому, велика. Но нельзя военныя силы народовъ исчислять только ихъ количествомъ. Война—не голосованiе по принципу всеобщаго равнаго избирательнаго права, и перевѣсъ бываетъ не всегда на той сторонѣ, гдѣ большинство. Въ военныхъ столкновенiяхъ громадное значенiе имѣютъ психическiя силы сражающихся и ихъ организованность. Поскольку намъ извѣстно о психическихъ свойствахъ китайскаго на-

селенія, воинственный духъ имѣетъ въ немъ мало корней, въ рѣзкомъ отличіи отъ японскаго народа, что объясняется глубокимъ различіемъ исторіи этихъ двухъ государствъ. Психическіе навыки создаются вѣками,—въ особенности воинственный духъ,—и трудно предположить, чтобы народный характеръ очень легко могъ быть видоизмѣненъ. Другой важный рѣшающій военный факторъ—сильная организованность. Въ этой организованности наиболѣе важную роль играетъ общее государственное благоустройство, наличность денегъ и вообще матеріальныхъ средствъ, подготовка къ войнѣ, согласованность дѣйствій начальствующихъ и т. п. Организованность въ западныхъ цивилизованныхъ государствахъ стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ восточномъ мірѣ, и для того, чтобы перенять ее, Китай долженъ переродиться, преобразоваться сверху до низу по европейскому образцу; реформированный же Китай перестанетъ быть чуждымъ, онъ сблизится съ Западомъ, войдетъ въ общій международный оборотъ и долженъ будетъ подчиниться общимъ законамъ мірового равновѣсія. Человѣчество все тѣснѣе связывается узами солидарности; великое развитіе союзовъ и договоровъ послѣдняго времени дѣлаетъ не мечтою уже международную организацію человѣчества; Китай долженъ будетъ войти въ этотъ союзъ или ему придется имѣть дѣло съ остальнымъ человѣчествомъ, — и онъ встрѣтитъ предъ собою сомкнутые ряды.

Еще менѣе неотвратима экономическая опасность Китая. Боятся эмиграціи Китайскихъ рабочихъ, опасаются пониженія заработной платы въ тѣхъ странахъ, куда эмигрируютъ китайцы, безпокоятся той торгово-промышленной конкуренціи, которую можетъ оказать преобразованный Китай. С. Штаты, Австралія, Канада и др. страны уже закрыли доступъ китайскихъ рабочимъ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе тѣхъ экономическихъ законовъ, благодаря которымъ экономическая опасность Китая намъ кажется иллюзорной. Китай не такъ густо населенъ, чтобы его рабочія руки не могли, при промышленномъ прогрессѣ страны, найти себѣ примѣ-

неніе въ самомъ Китаѣ. Англія заселена въ три раза гуще Китая. Индустріализація Китая, эксплоатація имъ своихъ богатствъ, если и увеличитъ производство, то соотвѣтственно увеличится и потребленіе. Больше продавая, онъ будетъ больше и покупать. Бюджетъ возрастетъ. Съ благами высшей хозяйственной формы узнаетъ Китай и новыя потребности.

Остается опасность культурная. О ней мы говорили, когда выясняли идеологическія особенности восточныхъ народовъ. Но и въ идеѣ неподвижнаго порядка, въ культѣ предковъ, и въ отрицательномъ универсализмѣ буддизма мы не видѣли безусловныхъ заблужденій; въ этихъ идеяхъ есть даже извѣстное хорошее противоядіе односторонности европейской идеологіи. Гораздо болѣе опасенъ тотъ мѣщанскій позитивизмъ и практическій матеріализмъ, который свойственъ громаднымъ массамъ народа въ Китаѣ; но эта опасность общечеловѣческая, и пошлая животная самоудовлетворенность среднихъ маленькихъ людей является угрозой будущему и въ западномъ мірѣ. Есть дѣйствительная опасность того, что когда человѣчество объединится и установится глубокій всеобщій миръ, наступитъ окитаяніе всего человѣчества. Для борьбы съ этой опасностью и предназначены высшіе религіозные и моральные идеалы.

VIII. Изъ того, что желтая опасность обыкновенно сильно преувеличивается, не слѣдуетъ однако заключать, что ея не существуетъ и что нѣтъ вопроса Дальняго Востока. Въ вопросахъ политики вообще, а міровой въ особенности, смѣшно и опасно становиться на сантиментально-слащавую и наивную точку зрѣнія и объявлять желанную цѣль уже существующимъ явленіемъ. Изъ теоретическаго принципа равенства и братства всѣхъ расъ нельзя заключать объ ихъ дѣйствительномъ равенствѣ въ настоящее время и о существованіи братскихъ чувствъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Утверждать это значило бы итти противъ неоспоримыхъ фактовъ дѣйствительности.

Непростительнымъ легкомысліемъ было бы для всякаго истиннаго друга человѣчества не видѣть глубокой раз-

ницы, раздѣляющей въ настоящее время желтую и бѣлую расы, и возможность возникновенія изъ этого коренного несходства борьбы и вражды между ними.

Принятіе радикальнаго пацифистскаго принципа о всеобщемъ разоруженіи не разрѣшаетъ, намъ кажется, вопроса расъ. И не потому, чтобы мы считали правильнымъ воззрѣніе тѣхъ мыслителей, которые вѣрятъ въ абсолютную цѣнность войны, находя въ ней таинственный и мистическій характеръ, удовлетворяющій глубоко заложенную въ натурѣ человѣка жажду жертвъ и мщенія. Но намъ думается, что когда вопросъ идетъ объ охранѣ великихъ цѣнностей, тамъ война необходима и божественна, и было бы недостойнымъ малодушіемъ и трусостью отъ нея отказываться.

Но и вражда расъ и войны—явленія ненормальныя, онѣ должны быть преодолѣны. Это преодолѣніе дается не ихъ радикальнымъ отрицаніемъ, а постепеннымъ приведеніемъ ихъ въ состояніе ненужности. Отношенія между расами должны быть организованы и урегулированы, и расы должны войти, какъ органическіе члены, въ единую жизнь всего человѣчества. Міровой оборотъ съ каждымъ годомъ все болѣе сближаетъ людей и народы. Смѣшеніе расъ неизбѣжно, хотимъ ли мы этого или нѣтъ; но надо принимать всѣ мѣры, чтобы это смѣшеніе было наиболѣе безболѣзненнымъ

Мы уже коснулись вопроса о коренномъ различіи въ міропониманіи восточныхъ и западныхъ народовъ. На Востокѣ—чрезмѣрный культъ прошлаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ нирванѣ и отрицаніе міра; на Западѣ—чрезмѣрный культъ будущаго, и пріятіе міра такимъ, какимъ онъ намъ представляется. Равновѣсіе и тамъ и здѣсь нарушено: на Востокѣ забвеніе правъ прогресса привело къ застою, упадку, разложенію и въ концѣ концовъ къ презрѣнію къ самому прошлому, ибо прошлое было когда-то прогрессомъ по сравненію со своимъ предшествующимъ, ибо прошлое должно вновь и вновь быть возсоздаваемо живой работой новыхъ поколѣній; на Западѣ забвеніе правъ прошлаго привело къ тому, что жизнь

потеряла связность органическаго развитія и превратилась въ миражъ потока времени, въ безцѣльное странствованіе въ безконечныхъ пространствахъ исторіи.

Роль Россіи, какъ она чувствуется субъективно большинствомъ сознательныхъ русскихъ и какъ она объективно отразилась въ политико-исторической идеологіи русскихъ мыслителей, заключается въ томъ, чтобы внести примиреніе, равновѣсіе въ этотъ антагонистическій процессъ. Сильная христіанскимъ ученіемъ, Россія чувствуетъ себя носительницей высшаго нравственнаго идеала. Царство Божіе должно быть достигнуто,—не земное, но черезъ земную дѣятельность собирательнаго человѣчества, не въ видѣ человѣкобожества, а богочеловѣчества, не вслѣдствіе разрушительной работы скептицизма, а благодаря приданію идеальнаго смысла научной работѣ; нормальное общество должно быть устроено, но не для животнаго существованія самодовольныхъ маленькихъ людей и мелкихъ мѣщанъ, а для божественныхъ достиженій; ибо нормальная жизнь есть творческая эволюція божественной природы.

Политика Россіи опредѣляется ея восточно-западнымъ положеніемъ. Россія всегда сознавала свою историчскую цивилизаторскую роль въ пріобщеніи къ европейской культурѣ азіатскихъ народовъ. Великую миссію колонизацій земли несетъ каждая изъ большихъ европейскихъ расъ, на первомъ мѣстѣ—англо-саксы, потомъ—испанцы, наконецъ, нѣмцы и французы. Россія выполняетъ ее въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, претворяя въ своихъ нѣдрахъ и восточные и западные элементы.

Мы не будемъ касаться частныхъ мѣръ практической политики, которыя могли бы облегчить Россіи выполненіе ея исторической роли по сближенію Востока и Запада, ибо это есть задача ея національнаго совершенствованія во всемъ своемъ объемѣ. Лишь преслѣдуя ее, выполнитъ она и свое историческое всемірное предназначеніе. Только явивши въ себѣ самой примѣръ единенія религіи и науки, Россія покажетъ міру, какъ возможно примиреніе Востока и Запада. Создавши синтезъ религіи и науки, Россія дастъ то, чего недостаетъ Востоку и Западу.

Что касается до отношеній Россіи къ Востоку, то соглашеніе Россіи съ Японіей естественно, и не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и. въ интересахъ міроваго равновѣсія. Сама война Россіи съ Японіей была громадной, хотя, быть можеть, и исторически-фатальной ошибкой; благодѣтельные результаты ея сказались уже во взаимномъ пониманіи и сближеніи японскаго и русскаго народовъ, ошибкою же и болѣзненнымъ послѣдствіемъ было закрытіе Россіи выхода въ теплое море, въ Печилійскій заливъ, что никому не угрожало и жизненно необходимо для Россіи, ибо давало свободный выходъ безграничнымъ пространствамъ Сибири.

Очередная задача Россіи въ ея восточной политикѣ —наивозможно тѣсное экономическое соприкосновеніе съ Китаемъ, путемъ усиленной колонизаціи дальневосточныхъ окраинъ, путемъ постройки сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ, проникающихъ въ Китай.

Изученіе Восточной цивилизаціи началось уже не со вчерашняго дня въ Россіи и оно должно итти усиленнымъ темпомъ. Нужно понять и изучить восточную душу, ея сокровенные идеалы. Но параллельно этому изученію должна итти и пропаганда своихъ идеаловъ: приниматься всевозможныя мѣры для сообщенія европейскаго научнаго просвѣщенія монголамъ, а главное вестись проповѣдь христіанства,—какъ актъ вѣры и воодушевленія. Проповѣдь эта стала бы тѣмъ болѣе действительной, если бы исполнилась мечта многихъ благородныхъ геніевъ, — единеніе христіанскихъ церквей.

